

Стахеев Дмитрий Иванович

За Байкалом и на Амуре
Путевые картины

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Д53

Д53 **Дмитрий Иванович С.**
За Байкалом и на Амуре: Путевые картины / Стахеев Дмитрий Иванович – М.: Книга
по Требованию, 2025. – 349 с.

ISBN 978-5-519-75390-6

ISBN 978-5-519-75390-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

жили озеро своими разнохарактерными сопками. Но какъ общее паденіе, по видимому, было къ сѣверу, то въ западномъ изгибѣ Байкала самый низкій путь, для стока водъ, могъ быть только по направленію узкихъ долинъ на сѣверо-западъ, совпадающему съ среднимъ паденіемъ мѣстности, и Ангара вылилась на сѣверо-западъ, пробивъ Лиственичныя горы.

Въ ста саженьяхъ отъ ея истока изъ Байкала, на самой срединѣ рѣки, высунулся изъ воды замѣчательный во многихъ отношеніяхъ камень, называемый Шаманскимъ. По глубинѣ Ангара у ея истока, по видимой величинѣ камня надъ поверхностію рѣки, можно съ достовѣрностію предположить, что этотъ Шаманскій камень имѣетъ весьма большіе размѣры и служить значительной задержкой воды, вырывающейся изъ Байкала съ замѣчательной быстротой.

Если бы когда либо, по какимъ бы то ни было обстоятельствамъ, этотъ громадный камень или, выражаясь точнѣе, — эта подводная гора разбилась на нѣсколько частей и потеряла возможность сдерживать собою быстрый напоръ воды, то по всему вѣроятію для Иркутска день разрушенія Шаманскаго камня былъ бы днемъ наводненія. Объ этомъ часто подумываютъ со страхомъ туземные жители.

Уровень Ангара, въ 60 верстахъ отъ Байкала, ниже уровня его на 60 сажень, слѣдовательно до Иркутска на каждую версту приходится сажень паденія.

Вообразите себѣ, какую великолѣпную картину представляетъ эта масса воды версты въ двѣ шириною, несущаяся съ быстротою почти 20 верстъ въ часъ.

Но какъ бы ни была великолѣпна картина, а все таки сосѣдство Байкала для окружающихъ его мѣстно-

стей—сосѣдство весьма грозное и недружелюбное, что и доказало землетрясеніе 1861—62 года.

Землетрясеніе это имѣло центромъ своимъ Байкалъ, отъ котораго и распространялось на 500—600 верстъ въ окружности, ослабѣвая по мѣрѣ удаленія отъ своего центра.

Началось оно 30 декабря и, повторяясь въ день по нѣскольку разъ, продолжалось до 1 января; потомъ, значительно ослабѣвъ, оно давало еще знать о себѣ легкими колебаніями земли въ продолженіи почти двухъ недѣль.

Въ то время много погибло бурятскихъ юртъ, крупнаго и мелкаго рогатаго скота и самихъ бурятъ, почевавшихъ съ своими стадами по берегамъ Байкала.

Во время этого землетрясенія въ Иркутскѣ сами собой звонили колокола; въ одномъ селеніи провалился куполъ церкви; въ деревняхъ, близъ Байкала, много свалило и поломало избъ; изъ глубокихъ колодцевъ исчезала вода и вмѣсто нея выбрасывало вверхъ песокъ и гальку.

Въ заключеніе всего, это землетрясеніе оставило по себѣ въ воспоминаніе новое озеро: верстахъ въ 25—30 отъ р. Селенги образовался провалъ земли верстъ въ 20—25 въ длину и ширину, на этомъ мѣстѣ выступила вода и съ того времени это новое озеро все болѣе и болѣе увеличивается. (*)

На Байкалѣ, кромѣ нѣсколькихъ незначительныхъ

(*) О подробностяхъ этого замѣчательнаго землетрясенія см. въ послѣднихъ номерахъ 1861 и въ первыхъ номерахъ 1862 года газеты «Амуръ», издававшейся въ Иркутскѣ, а также въ особомъ приложеніи къ этой газетѣ, въ трудахъ ученой экспедиціи, командированной для изслѣдованія послѣдствій этого землетрясенія.

острововъ, есть островъ Ольхонъ, населенный бурятами. Онъ имѣетъ до 60 верстъ длины и до 12 ширины. Живущихъ на немъ бурятъ, по рассказамъ, есть до 1000 семей; занимаются они рыбною ловлей, звѣроловствомъ и имѣютъ значительное скотоводство.

Я никогда не бывалъ на этомъ островѣ, но по описаніямъ бывшихъ на немъ, — видъ его чрезвычайно красивъ, и красота эта дикая, печальная и однообразная. Голыя скалы торчатъ изъ-подъ водъ Байкала, на нихъ гнѣздится сѣрый орелъ, хищникъ бурятскихъ овецъ; въ поляхъ кочутъ буряты; по камнямъ лѣниво ползаетъ безкрылая зеленая стрекоза; чайки и гагары одиноко сидятъ по утесамъ надъ своими гнѣздами, выжидая добычи изъ моря. Вездѣ, куда ни посмотришь, камни да камни, и кругомъ все какъ-то безжизненно, пусто и дико; Святое море однообразно и печально шумитъ, гремячій валъ его бьется объ утесы и выкатываетъ округленные зерна луннаго камня, имѣющаго синевато-бѣлый цвѣтъ и радужный отливъ.

Кромѣ этого камня, говорятъ, выбрасываются изъ озера обломки желтоватаго опала, зерна кварца, горнаго хрусталя, куски зеленой и красной яшмы, темно-коричневаго порфира, блѣднозеленаго аквамарина, изумруда и проч. и проч. Изъ утесовъ мѣстами вытекаетъ морской воскъ и естественное купоросное или горное масло. Это послѣднее въ особенности добывается бурятами вблизи одного улуса, называемаго Курма, и въ скалахъ тажерянскихъ. На склонахъ, обращенныхъ къ баргузинской или турканской сторонѣ, встрѣчаются глинистыя желѣзныя руды.

Вода Байкала холодная, прѣсная и при тихой погодѣ прозрачная почти на девять саженъ глубины; она содер-

жить въ себѣ, по химическимъ изслѣдованіямъ, нѣсколько растворенной извѣсти.

Морской воскъ въ тихую погоду плаваетъ по поверхности воды, а во время бурь выкидывается на берегъ отъ верхней Ангары на юговосточную сторону Байкала. Видъ этого воска темно-коричневый. Въ музей императорской Академіи наукъ есть кусокъ его, доставленный, кажется, Палласомъ въ 1770 году. Онъ называется иначе — асфальтъ; въ Сибири онъ мало извѣстенъ и только около Байкала старухи знахарки лѣчатъ имъ больныхъ. Какъ они открыли въ асфальтѣ свойства изцѣлять человѣческія немощи, на чемъ основали это открытіе — Богъ знаетъ, а говорятъ, лѣченіе это дѣйствительно оказываетъ пользу въ ревматическихъ боляхъ.

Прибрежные жители до сей поры не могутъ придумать, что бы имъ дѣлать съ байкальскимъ асфальтомъ; для освѣщенія онъ не удобенъ тѣмъ, что при горѣніи отдѣляетъ очень много дыма, а болѣе примѣнить его не знаютъ къ чему. Иногда какой нибудь самородокъ химикъ изъ туземцевъ смотритъ на растопленный асфальтъ и толкуетъ своимъ товарищамъ, что этотъ асфальтъ есть тотъ, значить, самый керосинъ, который американцы готовятъ. Товарищи сомнительно покачиваютъ головами, химикъ доказываетъ и общаетъ въ будущемъ отъ байкальскаго асфальта большіе барыши. Но химическіе опыты туземнаго химика на томъ и оканчиваются. (*)

(*) У Штукенберга о байкальскомъ воскѣ говорится что онъ показывается на поверхности воды въ продолженіи 10—15 лѣтъ только одинъ разъ, что собираютъ его до 23000 пудовъ, изъ коихъ, будто-бы, 10000 пуд. идетъ въ Иркутскъ. Свѣдѣнія эти не имѣютъ ничего вѣроятнаго.

Другое дѣло горное масло. Оно употребляется съ большою пользою при леченіи простыхъ и кровавыхъ поносовъ у людей, въ повальныхъ болѣзняхъ у скота и, кажется, вполне можетъ замѣнять купоросную кислоту и масло; но къ сожалѣнію, собирается оно въ весьма маломъ количествѣ и потому продается отъ 4 до 5 рублей за пудъ.

II.

Во время моего продолжительнаго пребыванія въ Забайкальской области, мнѣ много разъ случалось перѣзжать Байкаль во всѣ времена года.

Въ первый разъ я отправился изъ Иркутска въ Забайкалье осенью въ 1859 году. Въ холодный и вѣтреный день подъѣзжала моя повозка къ Лиственичной пристани. Былъ ноябрь въ половинѣ, время въ которое байкальскіе пароходы, старый ветеранъ Байкала «Наслѣдникъ Цесаревичъ», въ послѣдствіи такъ печально окончившій свое существованіе, и два новыхъ: «генералъ Корсаковъ» и «Графъ Муравьевъ амурскій», — оканчивали свои обязательные рейсы и плавали по озеру смотря по погодѣ и по количеству грузовъ, слѣдовавшихъ чрезъ Байкаль.

Не смотря на 25° морозъ и на позднее время осени, рѣка Ангара не была еще покрыта льдомъ, — надъ ней носился густой паръ и, широко разстилаясь въ морозномъ воздухѣ, обдавалъ собою мою повозку и замерзалъ снѣжными пылинками на платьѣ. Мы подвигались впередъ, то поднимаясь вверхъ, то опускаясь внизъ по каменистымъ холмамъ горной подошвы; чѣмъ ближе подъѣзжали мы къ Лиственичной пристани, тѣмъ холоднѣе и порывистѣе дулъ вѣтеръ, тѣмъ яснѣе долеталъ до нашего слуха глухой шумъ волнъ Байкала. Вдали показалось небогатое прибрежное село, съ деревянною цер-

ковью, слышался стукъ топоровъ: на берегу шла работа, строили судно; ѣхали далѣе и опять видѣли строящіеся суда; у берега стояли тоже суда, короткія, высокія, имѣющія замѣчательно уродливую форму. Поморы называютъ ихъ «кораблями», не смотря на то, что эти корабли хуже самаго послѣдняго волжскаго судна.

Суда эти, какъ видитъ читатель, по размѣрамъ, весьма уродливы и напоминаютъ китайскія постройки, нѣтъ только той вычурности и фигурности, какъ у китайцевъ. (*).

Въ одной верстѣ отъ селенія Никольскаго находится пароходная пристань, называемая Лиственичной. Это названіе присвоено ею отъ прежняго зимовья, находившагося на мѣстѣ настоящей пристани и носившаго, въ свою очередь, это названіе отъ лиственичнаго лѣса, растущаго на прибрежныхъ горахъ.

(*) Суда на Байкалѣ строятся слѣдующимъ образомъ. Сначала дѣлается изъ еловыхъ или сосновыхъ досокъ вершковъ въ 7 или 8 толщиною днище судна, потомъ, вокругъ днища, сверху располагаютъ *кокорники* (шпангоуты); для этого берется тоже еловое или сосное дерево вершковъ въ 8 толщиною, вырытое изъ земли съ корнемъ,—такъ чтобы оно составляло клюку почти подъ прямымъ угломъ; разстояніе одной кокоры отъ другой дѣлается на $\frac{1}{2}$ аршина. Этотъ кокорникъ составляетъ низшій рядъ реберъ судна; на немъ утверждается рядъ такихъ-же кокоръ, называемыхъ стойками, потомъ наверху, чрезъ всю широту судна, ихъ соединяютъ толстыми брусками—*дуги* и остовъ судна готовъ. За тѣмъ, на дуги настилается палуба; во всю ея длину отъ носа до мачты сверху, и отъ мачты до кормы снизу идетъ широкій брусъ (*лисица*); для отдѣленія носа и кормы сверхъ палубы кладется тоже по брусу (*журица*). Бруски кладутся не плотно, такъ чтобы можно было просунуть веревку. Сверхъ борта судна дѣлается барьеръ вышиною около аршина, онъ называется *покольни*; вблизи того мѣста, гдѣ назначено утвердить мачту, по обѣимъ сторонамъ судна къ покольнямъ приколачиваются по одной доскѣ шири-

На берегу Байкала, у подножія горы, поросшей этимъ лѣсомъ, прилѣпилось двухъ-этажное зданіе гостинницы. Ближе къ селенію Никольскому въ сторонѣ отъ дороги лежало много лѣсу, приготовленнаго для новыхъ построекъ. Изъ этого лѣса должны были выстроиться новыя гостинницы въ рендементъ къ новымъ пароходамъ. Но пока, въ ожиданіи новыхъ гостинницъ, нужно было остановиться въ старой, не смотря на всѣ ея неудобства.

Построена она вѣроятно съ того времени, когда пароходъ въ первый разъ пошелъ по Байкалу, слѣдовательно—лѣтъ двадцать назадъ. Пароходъ былъ предшественникъ «Наслѣдника Цесаревича» и онъ, кажется, сгорѣлъ—такъ по крайней мѣрѣ мнѣ не разъ случалось слышать. Не смотря на то, что гостинница построена не ранѣе сороковыхъ годовъ настоящаго столѣтія, но она казалась ветхимъ старцемъ: окна въ верхнемъ этажѣ были мѣстами повыбиты, ставни большею час-

ною вершковъ въ 7 и вышиною аршина 2,—это *бычки*, подставки для реи; носъ (*коркъ*) судна, острый и высокій и постоянно съ уживающійся къ концу, имѣетъ на себѣ *полати*, небольшое возвышеніе для лоцмана, который по байкальски назывался *вожъ или вожакъ*. Сзади кормы приколачивается полочка, чтобы только встать одному человеку—*соколня*. Обошютъ судно досками, проконопатятъ, зальютъ варомъ, высмолятъ и такимъ образомъ оканчивается вся работа на сушѣ. Потомъ судно освящаютъ и спускаютъ на воду, при этомъ служитъ молебень тому святому, образъ котораго помѣщается на верху мачты. На водѣ уже судно оснащается и окончательно отдѣливается. Самое большое судно 12 сажень длины и 10 ар. ширины, отъ дна до палубы 5 ар. Можетъ оно поднимать до 12 т. пудовъ груза. Такое судно стоитъ до 4 т. рублей. Маленькое судно 6 саж. длины 5 ар. ширины $3\frac{1}{2}$ ар. вышины, грузу поднимаетъ до двухъ тысячъ пудовъ и оцѣнивается рублей въ 1300 и 1500 р. Рабочихъ для большаго судна нанимаютъ почти всегда 18 человекъ, а на маленькое 6 человекъ.

тію переломаны и остатки ихъ, повиснувъ на ржавыхъ петляхъ, скрипѣли и выли на разные тоны, аккомпанируя шуму волнъ Байкала.

Состарилась ли гостинница отъ осеннихъ вѣтровъ, обдувающихъ ее со всѣхъ четырехъ сторонъ, или уходили ее заботливые попечители, довѣренные и управляющіе, — не знаю, да и не подумалъ бы объ этомъ, если бы только безпорядочный и угрюмый видъ ея не производилъ такого тяжелаго и мрачнаго впечатлѣнія.

Внутренность дома соотвѣтствовала его наружному виду: стулья переломаны, столы о трехъ ножкахъ, диваны съ оборванной и висящей клочьями обивкой, кресла безъ ручекъ и часто безъ спинокъ; никогда не мытый полъ, кривыя, дырявыя доски, углубляющіяся подъ ногами, какъ фортепьянныя клавиши; вѣстѣнахъ щели, въ которыя съ визгомъ врывается внутрь дома рѣзкій осенній вѣтеръ... и т. д.

Все это доказывало, что о тѣхъ, для кого построена гостинница, никто никогда не заботился да и заботиться не считали нужнымъ: гостинница одна, конкуренціи ждать не откуда; пріѣхалъ къ паровой пристани, такъ волей неволей мирись съ тѣмъ, что есть, не мудрствуя лукаво.

Бразды правленія этой гостинницей находились въ рукахъ какого-то отставнаго солдата, у котораго въ буфетѣ кромѣ водки и солонины ничего не было.

— Самоваръ, если угодно, поставить можно... слышалась намъ его первая фраза.

— А закусить-бы чего нибудь?

— Закусить? отчего же?... Можно, пожалуй, солонины подать...

— А еще что?

— Огурца соленого можно принести. Омуля, если хотите... водки... Сколько подать-то?

— Да неужели у васъ ничего больше нѣтъ?

— Какъ ничего нѣтъ? я говорю вамъ, солонины можно, омуля, огурца...

— Я молчалъ.

— Порцію что-ли вамъ?

Солдатъ повернулся ко мнѣ въ полъ-оборота и, держась за косякъ двери рукой, угрюмо смотрѣлъ на уголь печи.

— Дайте лучше самоваръ.

Черезъ нѣсколько времени, нечищенный, позеленѣвшій самоваръ, чайникъ съ изломаннымъ носомъ, чашка безъ ручки, подносъ изогнутый и перепачканный,— все это въ огромныхъ размѣрахъ было принесено солдатомъ во одинъ разъ и принесено совершенно оригинальнымъ способомъ: самоваръ онъ несъ въ рукахъ, подносъ висѣлъ у него на пуговицѣ жилета, а чашку и чайникъ онъ, къ великому моему удивленію, вытаскилъ изъ обоихъ кармановъ своего дыряваго пальто.

— Ты и солонину изъ кармана подаешь на столъ? спросилъ я.

— Нѣтъ-съ. Какъ можно...

Солдатъ улыбнулся и, снова опершись рукою о косякъ двери, началъ смотрѣть на уголь печи.

— Отчегоже у васъ обѣда для проѣзжающихъ нѣтъ?

— Не для кого дѣлать-то...

— Какъ не для кого? Для проѣзжающихъ.

— Кто теперь проѣзжаетъ. Теперь хорошій хозяинъ собаки изъ конуры не выгонитъ, а то проѣзжающіе. Вотъ слышите, какъ оно воетъ да бурлитъ, море то...

— А въ другое время когда-же вы кормите проѣзжающихъ?

— Когда? Извѣстно лѣтомъ. Въ ту пору народу ѣдетъ много; тогда народъ каждый день, а не то что теперь,—два три въ недѣлю; тогда щи варимъ, котлеты дѣлаемъ, вино тоже держимъ. Если когда наѣзжаютъ хорошіе люди, потребуютъ что нибудь особеннаго, супу тамъ што-ли какого, али чего другаго, тогда отъ управителя повара просимъ... Лѣтомъ совсѣмъ другой расчетъ. Лѣтомъ бываетъ такъ, что купцы дня по два, по три здѣсь валандаются, одной облепихи наливки по ведру въ день выходитъ, а то и шампанскаго потребуютъ... Шампанское тоже отъ управителя беремъ: оно у него про себя на всякой случай есть для начальства, когда, значить, въ гости ежели наѣзжаютъ. Обозные тоже часто навертываются, другой при себѣ гармонію имѣетъ... Въ карты тоже вечерами, когда порахода нѣтъ, дуются... Лѣтомъ совсѣмъ другое дѣло...

Солдатъ, видимо находясь подъ впечатлѣніемъ милыхъ ему лѣтнихъ воспоминаній, глубоко вздохнулъ и замолчалъ.

— Такъ солонины не надо што-ли? спросилъ онъ чрезъ нѣсколько времени.

— Нѣтъ, не надо.

— А то я подамъ порцію... съ огурцомъ?

— Нѣтъ, не надо.

— Водки-бы выпили... съ дороги хорошо...

Я промолчалъ.

Солдатъ погладилъ рукой косякъ двери. Взглянулъ еще раза два на меня и, опять глубоко вздохнувъ, вышелъ.

Кромѣ мрачнаго дома негостепріимной гостиницы